

На правах рукописи

ИВАНОВА Анастасия Викторовна

**СУБЪЕКТИВАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ВЛАДИМИРА МАКАНИНА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чита – 2008

Работа выполнена на кафедре теории и истории русского языка
ГОУ ВПО «Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук,
доцент
Ахметова Галия Дуфаровна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор
Васильев Александр Дмитриевич
кандидат филологических наук,
доцент
Михайлов Алексей Валерианович

Ведущая организация:
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Защита состоится 20 ноября 2008 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан 15 октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

Реферируемая работа посвящена проблеме субъективации в современной прозе, рассматриваемой на материале прозы Владимира Маканина. Данное исследование в узком смысле связано с разработкой стилистики текста, а в широком отражает основные положения антропоцентрической научно-культурной парадигмы, возникшей на рубеже XX – XXI веков. К антропоориентированным дисциплинам ученые относят психологию, культурологию, лингвокультурологию, социологию, философию и т.д. Следует отметить факт усиленного в последнее время внимания к антропоцентру лингвистической науки. Человек как фрагмент и ключевой концепт языковой картины мира представляет собой основу всех языковых универсалий. Новая когнитивная парадигма находит свое отражение в понятии «языковая личность» [Караулов 1987], что признается в современных научных исследованиях. Предполагая в языке отражение человеческого бытия, следует перенести подобное понимание на пространство текста, в том числе художественного. Таким образом, можно условно говорить о языковой картине текста, антропоцентром которой, по аналогии с языковой картиной мира, следует считать литературного героя или персонажа. Именно сквозь призму его сознания представлена читателю текстовая реальность, что не может не найти отражения в языке произведения. О «человекоцентричном» характере художественного текста с позиции нарративных универсалий пишет Е.А. Попова [Попова 2006]. Текст как «полистилистическую модель мира» рассматривает в своей работе Ю.С. Лазебник [Лазебник 1991: 68-80].

Языковое сознание героя, имеющее непосредственное выражение в словесной структуре повествования, во многом перекликается с понятием психологизма повествования, принятым в литературоведении. О несобственно-прямой речи упоминает в своей литературоведческой диссертации А.Б. Есин [Есин 1986]. Таким образом, названная проблема освещается в филологии в двух аспектах: языковом и литературоведческом. С позиции исследования самого языка художественного текста эта проблема разрабатывается в рамках стилистики текста.

Стилистика текста и лингвистика текста исследуют феномен текста. Но лингвистика текста понимает текст как единицу языкового строя высшего иерархического порядка понимаемую как сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, прозаическая строфа, субтекст, микротекст и т.п., что ориентирует исследователя в первую очередь на синтаксический подход к тексту. При очевидном признании такого подхода, тем не менее на современном этапе развития науки о языке стилистика текста рассматривается как иной подход к тексту, при котором текст понимается «как явление языкового употребления во всей сложности его внутренней структуры и в неразрывной связи неязыкового содержания и его языкового выражения» [Горшков 2001: 48]. О специфике стилистики текста и ее подходов к изучению художественного произведения пишет ряд исследователей (И.Н. Аксенова, Н.А. Комина, И.П. Сусов упоминают о коммуникативно-

прагматической парадигме развития языка, которая была бы неполной без стилистики текста [Сусов 1981: 16]).

Исследование субъективации повествования, одного из важнейших вопросов стилистики текста, началось в 70-х гг. XX в. Впервые понятие субъективированного повествования выявил и определил В.В. Виноградов в работе «О теории художественной речи» (в которой оно называется «субъективизированным повествованием»). Субъективированное повествование представляет необходимую основу для организации любого художественно текста (как целого): «Объяснить форму *целого* как выражение внутренней установки героя – причем автор выражает себя лишь через героя, стремясь сделать форму адекватным выражением героя, в лучшем случае вносит лишь субъективный элемент своего *понимания* героя, – представляется невозможным» [Виноградов 2005: 62]. Работа В.В. Одинцова «Стилистика текста» является одной из основополагающих в развитии идей стилистики текста. В ходе размышлений о композиции текста вводится понятие «субъективная сфера», понимаемая В.В. Одинцовым в аспекте субъекта повествования [Одинцов 1980]. Развил и обобщил теорию субъективации повествования А.И. Горшков, чьи идеи нашли отражение в работе «Русская стилистика» [Горшков 2001]. А.И. Горшков уточняет систему средств создания субъективации. В частности, предлагает именовать их не формами (как у В.В. Одинцова), а приемами, поскольку речевые приемы субъективации (А.И. Горшков называет их словесными) в большей степени затрагивают содержательную сторону произведения, тогда как конструктивные (композиционные) приемы отражают своеобразие формы. Автор исследования не нашел монографий, посвященных субъективации повествования, но есть работы, в которых анализируются отдельные вопросы, связанные с этим явлением (Г.Д. Ахметова, Н.В. Баландина, Н.А. Кожевникова, Е.И. Папава, Э.Н. Поляков и др.). Ряд ученых рассматривает проблемы повествователя/ наблюдателя в художественном тексте (О.А. Нечаева, Е.Н. Корпусова), проблемы говорящего в структуре типов речи (В.М. Хамаганова), субъектную организацию повествования (Н.А. Николина) и т.п.

Явление субъективации понимается нами как ведущий принцип организации текста, при котором повествование смещается с позиции авторского повествования на позицию персонажа, на его точку видения [Горшков 2001: 204]. Названное явление, характерное для любого текста, придает повествованию многомерность и многоплановость и организует языковую композицию произведения, которая обусловлена наличием (и сменой) точек видения в ткани повествования. Эта проблема исследовалась в трудах многих ученых, (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.А. Иванчикова, В.М. Жирмунский, В.В. Одинцов, В.Б. Шкловский, А.И. Горшков, Ю.Н. Караулов, Б.А. Успенский и др.). Современное состояние проблемы субъективации повествования несколько отличается от того, каким его характеризовали В.В. Виноградов и В.В. Одинцов, поскольку сама современная проза также изменилась, в то время как научные положения

теории субъективации по преимуществу построены на анализе классических текстов. А.С. Георгиевский отмечает следующие черты, характерные для современной литературы: углубленный анализ внутреннего мира человека, его духовной эволюции через иносказание, аллюзию, умолчание; «откровенный диалог» с читателем посредством инвективы, порой натурализм, игровое начало, эстетику шока и постмодернистскую эстетику; возвращение к традициям русской реалистической литературы и усиление лиризма в прозе [Георгиевский 1999: 7].

Одновременно с преемственностью литературных традиций, наблюдаемых в произведениях конца XX – начала XXI веков, для современных художественных текстов характерен ряд активных процессов, которые привели, в частности, к модификации субъективированного повествования. Данные процессы касаются звуковой и графической сторон текста, некоторых изменений в грамматике, усиления метафорической стороны повествования [Ахметова 2006: 39-56]. Такие модификации обусловлены активными процессами в современном русском языке, что отмечается рядом исследователей. Так, в работе Н.С. Валгиной «Активные процессы в современном русском языке» названы следующие аспекты развития языка: изменения в произношении и ударении, лексические и фразеологические преобразования, словообразовательные и морфологические преобразования, переосмысление синтаксических явлений [Валгина 2001: 303]. Назовем те из них, которые, на наш взгляд, отразились в языке современной прозы. Так, среди лексических изменений наиболее продуктивны для литературы так называемые стилистические преобразования: стилистическая нейтрализация лексики, стилистическое перераспределение в лексической системе и повышенная метафоричность лексики.

В целом проблема субъективации на материале прозы современных писателей представляет собой малоисследованную область в науке о языке, а потому является перспективным направлением стилистики текста.

Актуальность исследования заключается в том, что тема диссертации тесно связана с перспективным направлением филологии – стилистикой текста, теоретические основы которой были заложены трудами В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.В. Одинцова и др. и требуют дальнейшего исследования с учетом изменяющегося языкового материала. Работа в рамках стилистики текста представляет собой детальное изучение языка с позиции его употребления (Г.О. Винокур, А.И. Горшков, М.Н. Кожина), так как касается вопросов построения и функционирования текста, который понимается как целостное образование в неразрывной связи формы и содержания (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, А.М. Пешковский, В.Б. Шкловский, Л.В. Щерба, А.И. Горшков и др.). Исследования в области стилистики текста, связанные с проявлением субъектной сферы в художественном произведении, приобретают особую значимость в связи с признанием антропоцентрической научной парадигмы, влияющей и на язык (в том числе на язык художественного текста). Актуальность темы обусловлена также пониманием текста

как динамически развивающейся открытой структуры, что указывает на необходимость анализа словесного материала с позиций когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, металингвистики и других направлений в их тесном взаимодействии с литературоведением, что в целом опирается на филологический подход к тексту, на признание связи формы и содержания текста, динамической структуры текста. Субъективация повествования представляет не в полной мере разработанный аспект изучения языка художественных произведений. Следует отметить, что произведения Владимира Маканина изучены в языковом аспекте (языковая композиция, явление субъективации, развертывание словесных рядов, межтекстовые связи и т.п.) в недостаточной степени, в отличие от литературоведческих исследований творчества писателя. Проза В. Маканина рассматривается в работе в контексте развития языка современных художественных текстов, для которых характерны активные языковые процессы, связанные с эволюцией системы литературного языка в целом. В связи с этим будет целесообразным в третьем параграфе второй главы представить наблюдаемые в текстах писателя традиционные элементы (первый параграф) и явления модификации (второй параграф) на фоне общих тенденций литературного процесса, рассмотреть творчество В. Маканина как представителя современной прозы и, в то же время, как носителя индивидуального стиля.

Научная новизна исследования связана с исследованием специфики явления субъективации в произведениях конца XX – начала XXI веков, поскольку в связи с активными процессами в литературном языке и языке художественной литературы нашего времени можно говорить о своеобразии (и даже о модификации) данного явления в текстах В. Маканина. Выбор материала исследования также определяет степень научной новизны.

Объект исследования – языковая организация текстов Владимира Маканина.

Предмет исследования – языковое выражение субъективации в выбранных текстах, языковой материал, реализующий приемы субъективации в конкретных произведениях, их взаимодействие.

Материал исследования – повести и рассказы Владимира Маканина, включенные в сборник «Кавказский пленный» (1998): повести «Лаз», «Человек свиты»; сборник «Собрание сочинений» (2002): повести «Голоса», «Река с быстрым течением», «Утрата», рассказы «Простая истина», «На зимней дороге», «Пустынное место», «Не наш человек», «Дашенька», «Гражданин убегающий», «Антилидер», а также роман «Испуг» (2007), опубликованный отдельным изданием. Более подробно в работе представлен анализ повестей «Голоса» и «Лаз», рассказа «Человек свиты», остальные произведения представлены отдельными примерами, но автором были проанализированы все указанные тексты. Общий проанализированный объем составляет 868 страниц печатного текста. Следует заметить, что в диссертации отмечены наиболее показательные контексты, однако выводы делаются в соответствии с явлением субъективации в целом тексте. В свя-

зи с этим можно считать, что в исследовании использован весь указанный объем.

Теоретическая значимость. Научные выводы работы могут послужить основой для дальнейшего изучения проблем, связанных с языковой организацией современного текста.

Практическая значимость исследования состоит в возможном применении результатов исследования в вузовском курсе изучения стилистики, а также в практике филологического анализа текста и в разработке факультативных дисциплин, знакомящих студентов с особенностями языковой организации современной литературы на конкретном материале.

Целью работы является исследование нескольких наиболее показательных текстов В. Маканина в аспекте языковой композиции и теории субъективации. Для достижения поставленной цели определен следующий круг задач исследования:

1) проанализировать предпосылки и развитие теории субъективации повествования в трудах отечественных ученых-филологов (В.В. Виноградов, В.В. Одинцов, А.И. Горшков и др.);

2) рассмотреть субъективацию на уровне авторского повествования и на уровне повествования рассказчика (учение В.В. Виноградова об образе автора, четыре степени присутствия рассказчика в тексте в работах А.И. Горшкова, исследование роли повествователя в трудах О.А. Нечаевой);

3) выявить роль субъективации повествования в композиционной организации современного текста на материале текстов В. Маканина как представителя современной прозы;

4) рассмотреть роль точки зрения в языковой композиции текстов В. Маканина;

5) рассмотреть традиционные элементы и возможные явления модификации в рамках субъективации повествования в текстах В. Маканина.

Методологической основой работы является комплексный подход к художественному тексту, основанный на анализе формальной и содержательной сторон произведения в их неразрывной связи, а также компаративный метод, метод наблюдения и метод анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Субъективация повествования является важнейшим принципом построения художественного текста, его языковой композиции, следовательно, субъективация организует языковой материал произведения, что позволяет рассмотреть субъективацию как необходимый компонент языковой композиции произведения.

2. Явление субъективации в современной прозе (на материале произведений В. Маканина) характеризуют процессы модификации, что выражается в изменении самих приемов, а также их роли в повествовании.

3. Словесные и композиционные приемы субъективации в прозе В. Маканина имеют тенденцию к взаимодействию, что выражается в употреблении в текстах языковых средств, способствующих созданию идиостиля писателя.

4. Субъектная сфера персонажа в произведении находится в сложном взаимоотношении с образом автора, что обусловлено сменой/ чередованием точек зрения в тексте, посредством которого происходит развитие языковой композиции, а следовательно, можно говорить о роли субъективации повествования в составе языковой композиции.

5. В связи с изменениями в литературном языке в современной прозе наблюдаются активные языковые процессы, что отражается в языковой композиции текста, в частности, в субъективации повествования, и обуславливает явления модификации, в том числе модификации приемов субъективации и их роли в тексте, а также активизацию вербальных и невербальных средств в контексте усиления субъективированного повествования.

Структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

Апробация работы:

1) Международная конференция «Художественное образование, эстетическое воспитание и культура в XXI веке» (Чита, ЗабГГПУ, 2006); 2) научная конференция «Русский язык и средства массовой информации» (Дзержинский, 25 апреля 2006 г.); 3) 4-я Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования» (Тамбов, 2006); 4) Международная научно-практическая конференция «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия, Китай, Монголия» (Чита, ЗабГГПУ, 18-20 октября 2006 г.); 5) 1-я Международная научная конференция «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.); 6) Международный научный симпозиум «Глобальный культурный кризис современного времени» (Шуя, 3-4 апреля 2006 г.); 7) V Всероссийская научная конференция «Текст и языковая личность» (Томск, ТГПУ, 26-27 октября 2007 г.); 8) VII Международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, ТПУ, 15-16 мая 2007 г.); 9) VI Международная научная конференция «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») (Великий Новгород, 9-14 мая 2006 г.); 10) Всероссийская заочная конференция «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез», Белгород, 2007; 11) V Международная научная конференция «Этногерменевтика и когнитивная лингвистика» (Кемерово, 10-12 октября 2007 г.); 12) I Международная научная конференция «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Чита: ЗабГГПУ, 29-30 октября 2007 г.); 13) VII российская научно-практическая конференция-конкурс преподавателей, аспирантов, студентов вузов и учащихся старших классов альтернативных учебных заведений «Язык и мировая культура: Взгляд молодых исследователей» (Томск: Изд-во ТПУ, 2007); 14) Международный симпозиум "Scientific articles. Humanities 2008". – (www.sciencebg.net www.ejournalnet.com) – 6 International symposium "Lan-

guage, Individual and Society in The Modern World". September 8-12, Sunny Beach, Bulgaria (ISBN 954-9368-17-3).

Основные положения исследования отражены в 27 публикациях общим объемом 5,9 п.л., в том числе в журнале «Вестник Челябинского государственного педагогического университета», который входит в перечень изданий, лицензируемых ВАК.

Автором исследования была разработана вузовская программа курса по выбору «Стилистика текста: теория и практика», в которую включены положения и выводы диссертации. Разработаны и прочитаны вузовские курсы «Стилистика» и «Филологический анализ текста».

Диссертационное исследование обсуждалось на расширенном заседании кафедры теории и истории русского языка совместно с кафедрой современного русского языка и методики его преподавания, кафедрой литературы и кафедрой русского языка как иностранного Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита).

Содержание работы.

В первой главе «Субъективация повествования как принцип организации художественного текста» представлено обобщение теоретических исследований субъективации повествования, определение ее роли в художественном тексте. Первый параграф посвящен соотношению проблем стилистики текста с проблемами лингвистики текста. Отмечены существенные различия в подходах данных наук к объекту изучения – тексту: структурный подход характерен для лингвистического взгляда, тогда как стилистика текста основана на динамическом подходе к тексту. Проблематика лингвистики и стилистики текста во многом сходна, так как опирается на исследование текста, однако в них наблюдаются принципиально различные аспекты изучения текста, его композиционного построения.

В стилистике текста как центральная выдвигается проблема языковой композиции. С ней связан ряд вопросов, разрабатываемых в рамках стилистики текста: словесный ряд, динамика и взаимодействие словесных рядов; образ автора как объединяющее начало в тексте; образ рассказчика как речевое воплощение образа автора; взаимодействие авторской сферы и сфер персонажей, явление субъективации авторского повествования и повествования рассказчика, точка видения; роль межтекстовых связей в развитии повествования; проблема языковой структуры образа и проблема образности текста. Названные аспекты текста представляют его как динамическое образование, так как указывают на постоянное движение повествования, его развертывание (словесные ряды рассматриваются в их взаимодействии и взаимоналожении, образ автора и сферы героев и/или персонажей находятся в постоянной взаимосвязи и взаимодополнении и др.).

Уровневый анализ текста подразумевает его расчленение на сложные синтаксические целые (сверхфразовые единства, прозаические строфы, периоды и т.д.), исследование которых определяется их рамками. В связи с композиционным построением текста в лингвистике рассматриваются ти-

пы повествования, представленные в работе О.А. Нечаевой (описание, повествование, рассуждение) [Нечаева 1974], или текстовые регистры, по классификации Г.А. Золотовой [Золотова 1982]. Кроме того, в рамках сложного синтаксического целого выдвинута теория повествователя (наблюдателя) [Падучева 1996]. Цитата рассматривается как явление автосемантии текстового отрезка [Гальперин 1981], то есть вновь его отграничения, что не соотносится со взглядом на текст как на целостное образование. Текст рассматривается с позиции трех уровней информативности и членения на подтемы. Все вышесказанное определяет подход лингвистики текста как структурный.

При более детальном сопоставлении стилистики текста и лингвистики текста можно проследить конкретные различия двух научных направлений. Образ автора, определяемый в лингвистике текста как обязательная текстовая категория, может быть выявлен только в рамках целого произведения (и даже за его пределами, если говорить о творчестве писателя в целом, то есть о ряде его текстов), поскольку трудноуловим при анализе языковых средств, что делает сложным его исследование в границах сложного синтаксического целого. Наблюдатель не является объединяющим началом текста, поскольку его выявление в отдельных сложных синтаксических целых не отражает динамики его развития. Кроме того, только динамическое взаимодействие образа автора и рассказчика и/или персонажа, не исследуемое лингвистикой текста, может обеспечить единство компонентов текста, его содержательной и формальной сторон.

Лингвистика текста выявляет отдельные языковые средства создания образа в сложном синтаксическом целом, однако такой подход не отражает развитие образа в процессе повествования, его взаимодействия с другими образами текста, то есть его роль в создании образности текста. Следовательно, обе науки – лингвистика текста и стилистика текста – исследуют текст с разных точек зрения, что обеспечивает его разностороннее изучение. Само понятие статики и динамики текста в данных направлениях различно. Так, в лингвистике текста текст в статическом состоянии понимается как продукт речевого акта, «текст с точки зрения теории уровней» [Мурзин 1991: 6], а под его динамизмом подразумевается процесс речевой деятельности, психологичность и вербальность текста [Мурзин 1991: 22]. В стилистике текста любое произведение считается динамичным, что обусловлено динамикой языковой композиции (взаимодействие словесных рядов, взаимодействие образа автора и образов персонажей и т.д.). Таким образом, следует признать самостоятельность и перспективность каждого из направлений.

Во втором параграфе рассматриваются предпосылки и развитие теории субъективации, впервые названной В.В. Виноградовым [Виноградов 2005]. Предпосылками появления теории субъективации в отечественной науке можно считать работы филологов, философов, искусствоведов начала XX века (М.М. Бахтин, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон, В.И. Тюпа, Б.А. Успенский и др.).

Именно в этот период были разработаны понятия пространства и времени героя (М.М. Бахтин), намечено изучение словесной организации повествования с позиции героя/ персонажа (В.М. Жирмунский), отмечена кинематографичность восприятия в художественном тексте (Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум) и «многоголосная» организация повествования (М.М. Бахтин, В.И. Тюпа, Б.А. Успенский) и т.д. В.В. Виноградов выделил в качестве способа создания субъективации прямую и несобственно-прямую речь (в составе диалога и авторского повествования соответственно) и указал на наличие точки зрения (или ракурса, угла зрения) [Виноградов 1976] как на показатель языкового сознания героя и/или персонажа.

В трудах филологов, посвященных субъективированному повествованию, наблюдается постепенное осмысление его значения. Согласно концепции В.В. Виноградова, субъективированное повествование связано с образом автора – тем фокусом повествования, который стягивает на себя все точки зрения, являясь организующим началом текста. Любое проявление героя и/или персонажа расценивается как своеобразная авторская маска, что характеризует единство текста. Кроме того, дается подробный анализ роли образа рассказчика, понимаемого в качестве речевого проявления образа автора. Таким образом, впервые в науке о языке поднимается проблема сказа. Выявлены отдельные способы создания субъективированного повествования (прямая речь и несобственно-прямая речь).

Учение В.В. Виноградова было продолжено в трудах В.В. Одинцова [Одинцов 1980], которому принадлежит классификация форм субъективации. Данные формы представлены двумя группами – речевыми (прямая речь, несобственно-прямая речь и внутренняя речь) и конструктивными формами (формы представления, изобразительные формы и монтажные формы). В диссертации предпринята попытка соотнести классификацию В.В. Одинцова с исследованиями других ученых в области субъективированного повествования: несобственно-прямая речь рассматривается в понимании Б.А. Успенского, внутренняя речь дана в сопоставлении с психолингвистической теорией внутренней речи [Жинкин 1964: 26-38] и понятием интериоризованной речи [Погребняк 2003: 173-178], формы представления сопоставлены с идеей «отстранения» (отстранения) В.Б. Шкловского, «монтажность» при субъективированном повествовании сопоставлена с хронотопом М.М. Бахтина.

В работах А.И. Горшкова впервые появляется и научно обосновывается термин «точка видения», а также детально рассматривается субъективация, связанная с образом рассказчика, которая характеризуется доминированием единой точки видения – точки видения рассказчика. А.И. Горшкову также принадлежит разработка понятий языковой композиции и словесного ряда и указание на модификационные изменения, произошедшие с формами субъективации (ученый уточнил их название – приемы): взаимодействие приемов, их взаимоналожение [Горшков 2001].

В диссертации рассматривается современное состояние теории субъективации. Н.А. Кожевникова говорит о роли лирических отступлений в

создании «субъективного авторского повествования» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». В работах Ю.Н. Караулова представлено понятие «языковая личность», восходящее к наличию личности субъекта в языке. Данная личность проявляется в языковом плане как многоаспектный феномен, имеющий в различных ситуациях общения различную интерпретацию (Я-физическое, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное и т.д.). В современной филологии появился термин «литературная личность», представляющий литературоведческую проекцию на идеи Ю.Н. Караулова [Караулов 1987]. Приемы субъективации повествования исследуются в работе Н.В. Баландиной [Баландина 1983].

Следовательно, субъективацию повествования, понимаемую как основной принцип организации текста, можно рассмотреть в качестве одного из важнейших аспектов исследования текста. При анализе исследований, посвященных явлению субъективации, следует отметить тенденцию к его выделению в качестве ведущего принципа построения текста. В.В. Виноградов наметил основные черты субъективированного повествования и обозначил некоторые способы его создания (прямую и несобственно-прямую речь). В работах В.В. Одинцова появляется признание композиционной значимости субъективации, что отражено в классификации форм субъективации, в частности, в выделении конструктивных форм (формы представления, изобразительные формы, монтаж). А.И. Горшков впервые рассматривает возможное взаимодействие приемов субъективации, т.е. обозначает предполагаемые модификации этих приемов. Он также отмечает историческую изменчивость явления субъективации, тяготеющего к развитию. Современные исследователи изучают субъективацию повествования в широком контексте антропоцентрической научной парадигмы, определяющей человека в качестве ключевого концепта всех языковых универсалий. Появляются понятия «языковая личность» и «литературная личность», что усиливает тенденцию к интеграции филологических наук. В работах В.В. Виноградова, В.В. Одинцова, А.И. Горшкова представлено в большей степени эксплицитное выражение субъективации. Кроме того, субъективация повествования как основной принцип организации текста может быть условно представлена в качестве средства создания индивидуального стиля писателя (идиостиля), поскольку языковые средства создания субъективированного повествования всегда присутствуют в художественном тексте, но не являются закрепленными за определенными приемами. Следует отметить, что современная наука рассматривает явление субъективации в составе языковой композиции, что отражает новый подход к изучению данного явления (Г.Д. Ахметова). Субъектная организация повествования привлекает внимание не только лингвистов (В.В. Виноградов, В.В. Одинцов, А.И. Горшков и др.), но и литературоведов (В.М. Жирмунский, В.Б. Шкловский и др.), философов, искусствоведов (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.). Явление субъективации тесно связано с антропоцентрической научно-культурной парадигмой, характеризующей языкознание на рубеже XX – XXI веков.

В третьем параграфе рассматривается понятие языковой композиции, связь языковой композиции с явлением субъективации, поскольку движение и/или смена точки видения определяет композиционные изменения. Существует ряд научных трудов, в которых говорится о композиционном построении «словесных масс» (В.М. Жирмунский), самой художественной формы. В.В.Виноградову принадлежит первое упоминание о словесной композиции текста. В.В. Виноградов впервые называет компоненты (слагаемые, элементы) языковой композиции – словесные ряды. Структуру произведения создает движение словесных рядов, развертывающихся в пространстве текста и находящихся в сложном взаимодействии. Взаимосвязь словесных рядов и субъективированного повествования происходит на уровне языковой композиции. А.И. Горшкову принадлежит первое упоминание языковой композиции в связи с субъективацией повествования и с точкой видения. При изучении проблемы языковой композиции необходимо сослаться на исследование Г.Д. Ахметовой, посвященное данному феномену, его движению и развитию. Г.Д. Ахметовой создана классификация типов языковой композиции и разновидности типов, рассматривается соотношение языковой композиции и архитектоники текста (как внутренней и внешней организации текста). Одним из оснований разделения типов композиции на разновидности служит наличие точек видения в тексте: а) композиция, связанная с разнообразием точек видения и образов; б) композиция, организованная неявно выраженной точкой видения или образом [Ахметова 2002: 69]. Языковая композиция предстает как явление динамическое, «не только в связи с меняющимся языком эпохи, но и в связи с динамическими изменениями внутри самой композиции отдельно взятого текста» [Ахметова 2002: 72]. Динамика языковой композиции может быть связана с динамическим развертыванием словесных рядов в потоке повествования, с движением точки видения или ее сменой. Следовательно, для рассмотрения языковой композиции текста необходимо уточнить понятие точки видения. Этот термин появился в стилистике текста сравнительно недавно, несмотря на то, что филологи, начиная с В.В. Виноградова, обращали пристальное внимание на субъектную позицию, ракурс, с которого ведется субъективированное повествование. Термин «точка видения» (А.И. Горшков) восходит к понятию точки зрения, которое, помимо литературы, входит в другие искусства. Усиленное внимание к точке зрения как специфическому элементу построения всего того, что принято называть произведением искусства, следует соотносить с появлением кинематографа, реализовавшего конструктивную роль точки зрения наиболее наглядно (М.М. Бахтин, М.Б. Жирмунский, В.Б. Шкловский, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.).

Следовательно, субъективация повествования организует языковую композицию текста, вследствие чего может считаться обязательным компонентом языковой композиции. Включение субъективации в состав языковой композиции, опосредованно отмеченное А.И. Горшковым в рамках определения композиционной роли точки видения, представляется новым

и перспективным аспектом изучения языковой композиции. Точка видения играет важную роль при развитии языковой композиции, мена точек видения отражает переход к другой субъектной сфере, другому образу. Наличие множества точек видения в тексте, их взаимодействие, создающее явление полифонии, характеризует современную прозу. Если рассматривать точку видения как реализацию и развертывание подвижных компонентов языковой композиции – словесных рядов, то субъективация повествования определяется не просто как компонент языковой композиции, но как обязательный, основной ее компонент. Кроме того, динамика точки видения сигнализирует о развитии образа, с которым точка видения связана, то есть точка видения выступает как средство создания образности в тексте. Следовательно, явление субъективации, организующее движение и/ или смену точек видения, также способствует образному развитию.

Четвертый параграф освещает теоретические исследования, посвященные образу автора и его речевому воплощению в тексте. В параграфе представлено учение В.В. Виноградова об образе автора и рассказчика, уточняемое в теории А.И. Горшкова, в сопоставлении с подходами лингвистики текста (О.А. Нечаева, Е.В. Падучева). С рассказчиком связана проблема сказа в тексте, при этом выделены четыре степени присутствия рассказчика в произведении, две из которых относятся к сказу. Выявлено, что субъективация повествования может проявляться на уровне авторского повествования и на уровне повествования рассказчика. Образ рассказчика является речевым произведением образа автора и подразумевает наличие субъективированного повествования в случае своего присутствия в тексте. Субъективация повествования при появлении рассказчика в произведении в большей степени тяготеет к «одноголосью», поскольку речевая характеристика рассказчика ослабляет индивидуальные языковые черты других персонажей, однако возможно и появление полифонии в тексте – в случаях эволюции образа рассказчика. Следовательно, языковое выражение образа рассказчика также композиционно значимо для художественного текста, поскольку реализуется через точку видения и эксплицирует явление субъективации. Такая экспликация проявляется в использовании конкретных языковых средств, которые выступают по отношению к рассказчику как характерологические (экспрессивно-оценочные лексика и словообразование, употребление разговорных частиц, вводно-модальных слов, форм степеней сравнения, видовременных форм глагола, экспрессивный синтаксис и т.д.). Субъективацию на уровне повествования рассказчика нельзя назвать достаточно изученным явлением, что определяет некоторую новизну диссертационной работы.

Следовательно, субъективация повествования, понимаемая как ведущий принцип построения текста, действительно является одним из важнейших аспектов изучения языковой организации текста. Субъективация реализуется в текстах с помощью конкретных приемов (словесных и композиционных) и может считаться элементом построения языковой компо-

зиции. На современном этапе развития филологии субъективация повествования соотносится с принципом антропоцентризма в языке.

Вторая глава «Субъективированное повествование в прозе Владимира Маканина: традиционные элементы и явления модификации» посвящена исследованию явления субъективации в прозе Владимира Маканина. В ней анализируются тексты В. Маканина, выявляется специфика субъективации и ее приемов, черты модификации (взаимодействие приемов субъективации, активизация графических средств текста и т.д.).

Первый параграф посвящен рассмотрению творчества В. Маканина в контексте развития русской прозы конца XX – начала XXI вв., которое взаимосвязано с активными языковыми процессами в современном русском языке. Среди таких процессов можно назвать изменения в произношении и ударении, лексические и фразеологические преобразования, словообразовательные и морфологические преобразования, переосмысление синтаксических явлений [Валгина 2001: 303]. Разнообразны языковые процессы, которые отмечаются в прозе конца XX – начала XXI вв. Г.Д. Ахметовой выделены следующие явления: во-первых, происходит модификация приемов субъективации, например, взаимодействие словесных и композиционных приемов субъективации как соотношение содержательной и формальной сторон текста. Отмечается модификация внутри самих приемов – появление невыделенной прямой речи, условность грамматического лица, выражение внутренней речи с помощью несобственно-прямой, видоизменения диалога (диалог-повествование). Происходит заметное усиление роли межтекстовых связей, что дает возможность говорить о межтекстовом словесном ряде. Изменениями характеризуются словообразование и грамматика современной прозы. Активное словотворчество названо Г.Д. Ахметовой словообразовательным «взрывом» [Ахметова 2006: 39-56]. Данные явления в полной мере характеризуют прозу В. Маканина.

Во втором параграфе рассматривается традиционное употребление приемов субъективации на материале таких произведений, как повестей «Голоса», «Река с быстрым течением», «Человек свиты», «Лаз» и рассказов «Простая истина», «Не наш человек», «На зимней дороге», «Пустынное место». При анализе повести «Голоса» выявляются особенности субъективированного повествования. Повесть строится как «многоголосье» субъектных сфер в потоке повествования. Это литературная игра, сближающая образ безымянного рассказчика-писателя с реальным писателем Владимиром Маканиным. Такому сближению способствуют совпадение биографических фактов и мировоззренческих установок, схожих с философскими позициями самого Маканина. Образ рассказчика объединяет фрагменты повествования, которые можно отнести к различным временным и пространственным сферам, уподобляет их воспоминаниям рассказчика в ходе его раздумий. Образ рассказчика в тексте подвергается эволюции.

В первом абзаце повести образ рассказчика предстает в трех ипостасях: *«Начинаясь в полутора километрах от поселка, как и положено*

Уральским горам, они набирали высоту постепенно – они не торопились, забирая у неба еще и еще понемногу. В определенные дни и в определенные часы солнце жгло их желтые вершины, и потому в обиходе они назывались Желтыми горами. Пройдя долинами пять или шесть, иногда восемь гор, пацаны обычно успокаивались на достигнутом и дальше не шли. Тут случался известный парадокс. Желтые горы оказывались не там, где мы сидели и где разжигали дневной костер, а дальше – горы как бы отодвигались. Сколько ни иди, желтые вершины отодвигались, и попасть на них было нельзя – а видеть их было можно. Это относилось не только к горам. Это относилось к чему угодно. Рукой не взять, а видеть можно – формулировка включала в себя огромный, часто болезненный опыт прославленной уральской широты и терпимости. Рождается ли человек с терпимостью, а если нет, с чего она начинается, поди знай» [Маканин 2002: 5].

Следовательно, мы имеем дело со сложным явлением перехода образа рассказчика от ребенка к взрослому, причем детские воспоминания, изображаемые с позиции мальчика, осмысливаются уже в сфере рассказчика взрослого. Образ меняется на протяжении всей повести. О своих детских годах повествует рассказчик-мальчик. Взрослый рассказчик, ставший писателем, вспоминает о своих первых литературных успехах и неудачах, а также рассуждает о разных мотивах и сюжетах в литературе, сопоставляя их с фактами своей жизни и жизни своих знакомых. Следовательно, можно даже говорить об ипостасях рассказчика: рассказчик-ребенок, рассказчик – молодой писатель, рассказчик – опытный писатель. Развитие образа рассказчика происходит благодаря приему несобственно-прямой речи.

В рассказе «Простая истина» можно проследить взаимодействие точек видения двух главных героев – Терехова и Вали: *«Терехов, человек молодой, стеснялся молодой женщины по имени Валя, жить с ней жил, пожалуй, и любил ее, а вот ведь стеснялся – испытывал неловкость. О чем и речь. Валя особенно не рассчитывая, все же надеялась, потому что прямо или косвенно женщина надеется, даже если думает, что это не так; Терехов к тому же был не женат, так что надежда крепилась, невеликая, а все же. Как-никак тридцать лет. Мужчина. И ведь когда-нибудь скрутит его радикулит и должен же будет кто-то помыть ему ноги и переодеть в чистое белье, прежде чем вызвать неотложку» [Маканин 2002: 110].*

Языковая композиция рассказа строится на пересечении, смещении точек видения, а также на их совмещении, включении одной точки видения в другую (в том числе и в общественную), двойной субъективации. В тексте В. Маканина наблюдается активное взаимодействие точек видения, выраженных с помощью словесных приемов несобственно-прямой и внутренней речи, что позволяет говорить о прозе писателя как о полифоничной системе.

При рассмотрении композиционных приемов субъективации в произведениях В. Маканина следует отметить преобладание приема монтажа. Например, обратимся к повести Маканина «Река с быстрым течением»:

«Игнатъев, на улицу выйдя, приостановился. Он любил вот так приостановиться и, если удастся, любил эффектное словцо, как бы подчеркивающее данную нерядовую минуту. Такой человек. Это не было привычкой, скорее – натурой. И хотя свалившаяся беда была беда своя и больная, он не мог в словце отказать себе и сейчас; он приостановился. Он оглядел снизу вверх весь этот трехэтажный дом, в котором ожесточилась и сникла Марина; он увидел старую крышу, он увидел карнизы и окна (и себя, стоящего со своей бедой возле ее дома)...» [Маканин 2002: 394].

Перечисление деталей здания указывает на смещение ракурса точки видения, характерное для композиционного приема субъективации – монтажа. Форму монтажа в таком случае, с нашей точки зрения, содержательно организует речевой прием внутренней речи, реализованный в виде вставной конструкции, которая эксплицирует с помощью местоимения «себя» присутствие субъекта как части рассматриваемого объекта, и объединяющий разные ракурсы восприятия.

Следовательно, «монтаж» композиционно организует названные речевые приемы субъективации и выступает как форма, в то время как речевые приемы открывают содержательную сторону текстового фрагмента. Использование композиционных приемов субъективации имеет текстообразующую, конструктивную функцию в произведениях В. Маканина и характеризуется заметным усилением в прозе 90-х гг. Композиционная организация текста в рассмотренных произведениях чаще всего характеризуется «монтажным» способом подачи информации, что следует, по всей видимости, считать отражением современного восприятия действительности, которое отличает высокая степень динамизма.

Языковые средства, наиболее часто употребляемые писателем для создания субъективированного повествования, – неполные и эллиптические конструкции, инверсионное построение фраз, наличие и функционирование вводных и вставных конструкций, парцелированные конструкции, отражающие алогизм обыденного человеческого мышления, и др., можно считать проявлением идиостиля. Композиционные приемы субъективации повествования в наибольшей степени отражают движение точки видения в тексте, тем самым участвуют в создании динамики произведения в целом.

Выявлено, что реализация словесного приема несобственно-прямой речи в повести «Голоса» происходит при помощи личного местоимения «мы», объединяющего сферу рассказчика с его окружением, уточняющих частиц разговорного характера, глагольных форм, тематических повторов и т.д. На уровне синтаксиса прием несобственно-прямой речи характеризуется наличием параллелизма и антитезы при построении конструкций, а также употребления парцелляции, что отражает поток размышлений рассказчика.

Развитие несобственно-прямой речи в проанализированном контексте указывает на эволюцию образа рассказчика (рассказчик-ребенок – рассказчик-взрослый), что находит отражение в семантическом наполнении

несобственно-прямой речи. Движение субъективированного повествования от позиции рассказчика-ребенка к рассказчику-взрослому раскрывается через соотношение наблюдений за жизнью и событиями, изложенных сквозь призму детского внимательного взгляда, с выводами из этих наблюдений, явно сделанными взрослым, опытным человеком.

Выявление композиционных приемов субъективации указывает на монтажность при изложении фактов с позиции героев, при этом происходит усиление роли приема монтажа в прозе 90-х гг. (повесть «Лаз»). Монтаж организует движение точки видения и развитие образов героев. В параграфе отмечается, что предпосылки к наблюдаемым в прозе В. Маканина модификациям были заложены еще в традиционном употреблении приемов субъективации. В частности, при анализе словесного приема несобственно-прямой речи были выявлены элементы невыделенной прямой речи, которую следует считать модификацией традиционного словесного приема (Г.Д. Ахметова).

В третьем параграфе рассматриваются модификационные элементы явления субъективации в прозе В. Маканина. Выделены семь элементов модификации в текстах писателя: 1) переход внутренней речи в несобственно-прямую речь, 2) усиление несобственно-прямой речи приемом монтажа, 3) взаимодействие несобственно-прямой и внутренней речи с композиционным приемом монтажа, 4) невыделенная прямая речь, 5) усиление роли диалога, взаимодействие прямой речи и косвенной речи, 6) условность грамматического лица, 7) графические средства усиления субъективации. Например, несобственно-прямая и внутренняя речь взаимодействуют с приемом монтажа в рассказе «Простая истина», что отражает точку видения героя, Терехова: *«Они, конечно, мирились, укладывались спать, иногда торопливо; встречались они у Вали – у нее была комнатуха в коммунальной квартире, чистенькая. Во всяком случае, Терехову здесь нравилось. Тишина, чистота, простенькие обои на стенах – и особенно ему нравилось просыпаться утром; он потягивался; Вали уже не было (она уходила на фабрику в самую рань); еще сонный, он топал в коридор, обливался под душем, завтракал, здоровался с соседями Вали (милые люди!) и шел, не торопящийся, на работу. Утренняя новизна. Район возбуждающе незнаком; дома, люди, транспорт – все новое»* [Маканин 2002: 110].

Содержательно данные конструкции, перечисляющие объекты, которые зафиксировало и отметило сознание героя («*Утренняя новизна. Район..., дома, люди, транспорт...*»), отметило как ранее не знакомые (о чем свидетельствует предложение-вывод: «*все новое*») реализуют словесный прием несобственно-прямой речи, однако со стороны формы усматривается в развертывании описательного словесного ряда момент движения точки видения переключения внимания героя, что сигнализирует о наличии композиционного приема «монтажа». Следовательно, несобственно-прямая речь представляет в данном контексте смысловое содержание субъектной сферы Терехова, его мысли, а «монтаж» – сам ход мыслей, на-

правление их движения, то есть форму. Их взаимосвязь реализуется через синтаксические языковые средства и перечислительную интонацию. Вопрос о взаимодействии приемов субъективации является одним из наименее изученных в стилистике текста и потому представляется нам перспективным для дальнейших исследований.

Отмечается усиление роли диалога в текстах. Например, прямая речь является приемом самораскрытия персонажей произведения, средством создания «словесного портрета», то есть всей совокупности реплик, фраз, монологов, относящихся к речи данного персонажа и находящихся в противопоставлении к авторскому описанию персонажа. Это можно наблюдать в повести «Человек свиты»: *«Аглая Андреевна со вздохом замечала, что в ее годы учиться было легче:*

«Сказать по совести, я училась трудно, я ленивая была. Правда – красивая».

«Вы и сейчас красивая».

«Ну уж!...» – улыбалась Аглая Андреевна, поднося к губам чашку с чаем, и минутка грусти, проскользнувшая, вдруг повисала в этой залитой солнцем приемной» [Маканин 1998: 43].

Может создаться впечатление, что с помощью приема прямой речи автор в данном случае абстрагируется от своих героев, четко разделяя пространство текста на авторское поле (косвенная речь) и поля персонажей (прямая речь). Однако при более внимательном взгляде заметно, что само- и взаимохарактеристики героев перекликаются с авторскими комментариями. Реплика, принадлежащая собеседникам Аглаи Андреевны, создает образ персонажей, которых автор именует «людьми свиты». Авторский комментарий реплики отсутствует, но именно этот факт кажется нам важным. Автор не дает оценки данного высказывания, не называет даже имени того, кто произнес его, тем самым оставляя фразу за обоими персонажами – и за Родионцевым, и за Викой. Этим он подчеркивает единство целей и сознания этих героев, способных существовать лишь при вышестоящем лице (в «свите»). Автор этим как бы обезличивает Родионцева и Вику, ставит их в общий контекст – контекст «свиты», подгоняет под один тип.

Роман «Испуг» характеризуется наличием условного грамматического лица (переход от форм третьего лица к формам первого), отражающего намеренное дистанцирование двух «ипостасей» образа рассказчика, и усилением графической стороны повествования. В целом, стоит отметить, что выявленные модификации реализуются в рамках языковой композиции текстов и направляют движение языкового материала.

К изменениям субъективированного повествования относится графический словесный ряд в текстах В. Маканина (повести «Голоса», «Где сходилась небо с холмами», роман «Испуг»). Г.Д. Ахметова говорит о графических средствах и их роли в составе языковой композиции [Ахметова 2003; Ахметова 2006: 41-44] (курсивное выделение, крупный шрифт и т.д.). О явлении креолизации текста пишут В.Г. Костомаров и др. Мы также считаем исследование графического своеобразия в прозе В. Маканина

необходимой частью нашей работы, так как курсивное выделение в текстах В. Маканина имеет композиционное значение (усиление субъективированного повествования и экспликация образа рассказчика).

Следовательно, в прозе В. Маканина наблюдаются традиционные элементы повествования, представленные употреблением словесных и композиционных приемов субъективации, и явления модификации, выраженные во взаимодействии этих приемов, активизации роли диалога, а также в наличии невербальных средств усиления субъективации (курсивное выделение) и условности грамматического лица.

В заключении диссертации даются выводы.

Отмечено все возрастающее внимание ученых к явлению субъективации, что отражено в развитии учения о субъективации, намеченного В.В. Виноградовым и разработанного В.В. Одинцовым, А.И. Горшковым и др. Современные исследователи изучают субъективацию повествования в контексте антропоцентрической научной парадигмы, которая определяет человека в качестве ключевого концепта всех языковых универсалий (понятия «языковая личность» и «литературная личность»).

Впервые явление субъективации рассматривается на обширном материале прозы В. Маканина. Было намечено соотношение субъективации повествования с языковой композицией. В диссертации выявлено, что субъективация, которая является основным принципом организации текста, тем самым организует словесный материал, т.е. словесные ряды, основные компоненты языковой композиции. Следовательно, субъективацию повествования действительно можно назвать активным компонентом языковой композиции. Субъективация повествования может быть условно названа средством создания индивидуального стиля писателя (идиостиля), поскольку языковые средства создания субъективированного повествования всегда присутствуют в художественном тексте, но не являются закрепленными за определенными приемами.

Были рассмотрены теоретические исследования субъективации на уровне авторского повествования и повествования рассказчика, в результате чего выявлены существенные отличия этих двух уровней. С образом рассказчика, который является речевым воплощением автора, связана проблема сказа в тексте, при этом сказовыми являются две из четырех выделенных степеней присутствия рассказчика в произведении.

Рассказчик характеризуется тем, что всегда имеет языковые признаки своего наличия и более явно реализует явление субъективации, выраженное в использовании конкретных языковых средств. Субъективацию на уровне повествования рассказчика не является в полной мере изученной.

При исследовании роли субъективации в прозе В. Маканина отмечено, что субъективация организует полифоническую систему точек видения и способствует развитию образа рассказчика, а также предстает как компонент языковой композиции, развитие которой происходит за счет движения и смены точек видения.

В работе отмечено, как соотносятся традиционные элементы и явления модификации в прозе В. Маканина. Выявленные традиционные элементы субъективации (использование словесных и композиционных приемов) указывают на роль данного явления в составе языковой композиции. В частности, словесный прием несобственно-прямой речи в повести «Голоса» реализует не только наличие образа рассказчика, но и динамику его развития, эволюцию, выраженную переходом от «ипостаси» рассказчика-ребенка к «ипостаси» рассказчика-взрослого. Такой переход осуществляется путем фиксации конкретных деталей и событий текстовой реальности сквозь призму восприятия ребенка и анализа этих деталей и событий, который является результатом мыслительной деятельности взрослого. В рассказе «Простая истина» наблюдается постоянная смена точек зрения героев посредством использования словесных приемов несобственно-прямой и внутренней речи.

Композиционные приемы характеризуются доминированием монтажа, его возрастающей ролью в тексте, что явно прослеживается в прозе 90-х гг., в которой монтаж является композиционной основой произведения. Языковые средства создания монтажа – неполные и эллиптические конструкции, наличие инверсии, вводные и вставные конструкции, явление парцелляции, тематическая лексика, отражающая родовидовые отношения. Следует отметить, что выделенные языковые средства создания словесных и композиционных приемов характерны для прозы В. Маканина, что можно считать проявлением идиостиля при использовании явления субъективации.

Взаимодействие словесных и композиционных приемов происходит с помощью средств синтаксиса (перечислительные конструкции, параллелизм при построении предложений и т.д.) и приобретают важную роль в составе языковой композиции. При этом синтаксические конструкции организованы приемом монтажа, а их словесное наполнение реализует несобственно-прямую и внутреннюю речь.

Курсив служит средством усиления субъективации, экспликации ее приемов, а также сигналом наличия образа рассказчика, имеющего явную сказовую природу. Условность грамматического лица наблюдается в романе В. Маканина «Испуг», в котором она отражает намеренное дистанцирование двух «ипостасей» образа рассказчика (рассказчика повествующего и рассказчика-героя), их эксплицитно выраженное разделение с целью объективного анализа мыслей и поступков рассказчика (эффект ложной объективации). Творчество В. Маканина рассматривается в диссертации в контексте развития языка современной прозы, которая взаимосвязана с активными процессами современного русского литературного языка. Следовательно, В. Маканин выступает как один из представителей современных литературных тенденций и в своей творческой манере отражает общее направление литературного развития.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Иванова, А.В. Своеобразие явления субъективации в прозе Владимира Маканина (на материале повести «Река с быстрым течением») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета: научный журнал. – Челябинск, 2007. – № 3. – С. 199-208. (научный журнал включен в перечень изданий, лицензируемых ВАК). – 0,4 п.л.
2. Иванова, А.В. Речевые приемы субъективации в прозе Владимира Маканина (на примере рассказа «Человек свиты») // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1 (8): Научное издание. – Красноярск, 2006. – С. 67-75. – 0,4 п.л.
3. Стилистика текста и лингвистика текста: разные аспекты изучения текста // Материалы Международного симпозиума “Scientific articles. Humanities 2008”. – (www.sciencebg.net www.ejournalnet.com) – 6 International symposium “Language, Individual and Society in The Modern World”. September 8-12, Sunny Beach, Bulgaria (ISBN 954-9368-17-3). – P. 29-37. – 0,8 п.л.
4. Иванова, А.В. Некоторые аспекты проведения филологического анализа текста: роль субъекта в художественном тексте (на материале повести В. Маканина «Лаз») // Педагог: Наука, технология, практика. – № 1-2 (20-21). – Барнаул: БГПУ, 2006. – 118-122. – 0,4 п.л.
5. Иванова, А.В. Стилистика текста и лингвистика текста как различные подходы к изучению языка // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научных трудов. Выпуск 1 / Под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загорюковой. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 126-139. – 0,6 п.л.
6. Иванова, А.В. Субъективация авторского повествования и рассказчика (на материале рассказов Владимира Маканина) // Молодая наука Забайкалья: Аспирантский сборник. – Чита: ЗабГГПУ, 2007. – С. 98-106. – 0,4 п.л.
7. Иванова, А.В. Субъективированное повествование в художественном тексте как отражение идеи антропоцентричности языка на материале современной прозы (повесть Владимира Маканина «Лаз») // Глобальный культурный кризис нового времени: Материалы Международного научного симпозиума (3-4 апреля 2006 г.). – Шуя, 2006. – С. 69-78. – 0,4 п.л.
8. Иванова, А.В. Проза Владимира Маканина в аспекте теории субъективации повествования // Всероссийская заочная конференция «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез». – Белгород, 2007. – С. 351-356. – 0,4 п.л.
9. Иванова, А.В. Эволюция образа рассказчика как организующее начало в языковой картине текста // V Международная научная конференция «Этногерменевтика и когнитивная лингвистика» (10-12 октября 2007 г.). – Кемерово, 2007. – С. 679-684. – 0,4 п.л.
10. Иванова, А.В. Поиск утраченной духовности в повести Владимира Маканина «Где сходилась небо с холмами» (с позиции самосознания

персонажа) // Сборник «Духовные начала русской словесности», VI Международная научная конференция «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») (9-14 мая 2006 г.) – Великий Новгород. – Вып. 2. – С. 193-198. – 0,3 п.л.

11. Иванова, А.В. Языковая картина современного текста: культурные концепты и их интерпретация // V Всероссийская научная конференция «Текст и языковая личность» (26-27 октября 2007 г.) – Томск, ТГПУ, 2007. – С. 128-131. – 0,3 п.л.

12. Иванова, А.В. Художественное произведение в аспекте филологического подхода: лингвистика текста и стилистика текста // Материалы I Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (29-30 октября 2007 г.) / сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита: ЗабГГПУ, 2007. – С. 59-62. – 0,4 п.л.

13. Иванова, А.В. Языковая картина текста: интерпретация культурных концептов // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (15-16 мая 2007 г.) – Томск, ТПУ, 2007. – 246 с. – С. 17-19. – 0,3 п.л.

14. Иванова, А.В. Субъективизм в художественном тексте как отражение антропоцентричности языка в современном культурном контексте // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы 1-й Международной научной конференции (29-31 августа 2006 г.). – Ч. 1. – Кемерово, 2006. – 326 с. – С. 199-204. – 0,3 п.л.

15. Иванова, А.В. Языковая картина мира и современное произведение: языковая картина текста (на материале повести Владимира Маканина «Лаз») // Культура и искусство трансграничья, язык и межкультурные коммуникации: Материалы Международной научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия, Китай, Монголия» (18 октября 2006 г.) – Чита: ЗабГГПУ, 2006. – 321 с. – С. 206-210. – 0,3 п.л.

16. Иванова, А.В. Точка видения как организующее начало художественного и публицистического текста // Русский язык и средства массовой информации: Материалы научной конференции (25 апреля 2006 г.) – г. Дзержинский, 2006. – С. 27-29. – 0,1 п.л.

17. Иванова, А.В. Приемы субъективации в повести Владимира Маканина «Лаз» как отражение личностного начала в тексте // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2006. – С. 134-135. – 0,1 п.л.